

(Продолжение. [Начало «В» от 26.05.2021](#))

Прежде чем рассказать о результатах допросов Танако Хидео и Иосидо Сэцу, требуется сделать историческое отступление, дабы исключить у наших читателей мнение, что сбор японцами информации о Камчатке носил невинный характер. Во всяком случае такую точку зрения можно встретить у иных публицистов отечественной и импортной адресации. В их интерпретации со стороны Японии имела место обыкновенная исследовательская деятельность научного характера.

«Добрые» лица островных соседей

Кто-то идет и дальше, называя начавшуюся 5 апреля 1918 года японскую интервенцию в годы русского революционного лихолетья благом для российских дальневосточных окраин. Карательные экспедиции императорской армии они объясняют ответными мерами подданных микадо на действия красных партизан. А на Камчатке они вообще вели себя чинно, благородно. Случалось, спекулировали спиртом, другими недетскими напитками и барахлом, скупали за бесценок пушнину, ловили, сколько могли, и там, где хотели, лососся и краба. Еще, конечно, тоннами вывозили полудрагоценные камни, выливали на командорские лежбища котиков нефть и керосин, чтобы морские животные со своими ценными шкурками перебрались на Курильские острова, принадлежащие Японии. Но ведь не воевали.

К красным партизанам, как и к власти большевиков, которая периодически устанавливалась на Камчатке, пока не утвердилась окончательно осенью 1922 года, японцы, представлявшие официальный Токио, относились достаточно терпимо. Поговаривают, даже неофициально помогали ушедшим в сопки повстанцам оружием и продовольствием, что вызывало нареkanie антибольшевистских сил. Некоторые исследователи считают причиной уникального мирного сосуществования интервентов с красными опасение подданных микадо, что партизаны парализуют действия японских лицензионных промыслов. Трудно с такими соображениями не согласиться: к каждому заводу и ставному неводу миноносец и крейсер не поставишь.

Но основная причина мне видится другая. Многие камчатские обыватели еще не забыли, как орудия крейсеров микадо «Суми» и «Идзуми» крушили Петропавловск летом 1905

года. Бесчинства японских рыбаков на промыслах не прекращались никогда... В общем, основная масса камчатских обывателей к островным соседям не испытывала симпатий. Отмечались и иные тенденции, но в целом ситуация складывалась не в пользу японцев, о чем они знали, а, владея обстановкой, опасались приглашения на Камчатку иностранных «заступников» из США, которые хозяйничали совсем рядом – на Чукотке, входившей в состав Камчатской области.

Давление Соединенных Штатов, не желавших уступать доминирующего положения Стране восходящего солнца в Тихоокеанском регионе, – стало основной причиной, по которой японцы не смогли остаться на полуострове, как, скажем, на Северном Сахалине до 1925 года, и вели себя относительно корректно. Хотя далеко не везде и не всегда.

Промысловый досмотрщик Олюторско-Наваринского промыслового района Дмитрий Бахирев, присланный на Камчатку летом 1922 года свергнувшим в Приморье власть большевиков правительством братьев Дионисия и Спиридона Меркуловых, инспектировал рыбалки на восточном побережье полуострова. Вернувшись во Владивосток, где власть на непродолжительный срок перешла к убежденному монархисту генералу Михаилу Дитерихсу, Дмитрий Бахирев 15 сентября в написанном от руки рапорте докладывал управляющему рыболовными и звероловными промыслами на Дальнем Востоке:

«5 июля в 9 часов утра я выехал на рыбалку Караева на реке Онухе... Меня встретил старшина Онли и сообщил весть о кошмарном убийстве, приблизительно в марте, полковника Нерике и лейтенанта Иванова вместе со служащими рыбалки с неизвестными фамилиями, убитыми японцами для возможности ограбления предприятия. Был также убит русский матрос с женой и ребенком. Полковник Нерике и лейтенант Иванов были зарезаны и спущены в море. Та же участь постигла и рабочих, которых японцы встретили по возвращении их с работы, и, убив их, там же кинули с камнями на шею в море в мае. Женщина же подвергалась издевательствам и насилию в течение долгого времени и в конце живую была сброшена в море.

В этом районе наблюдается даже частичное бегство жителей в горы, так как японцами все у них отбиралось, и убивались олени.

Все это мне передал вышеуказанный староста, бывший свидетелем этой страшной трагедии. Упомянутые убийцы, японские рабочие, после убийства 5-го июня сего года на

пароходе «Владиво-мару» выехали на родину, увозя перечень следующих товаров: 5 ящиков винчестеров, 35 штук лисиц, 24 медвежины, пятьдесят песцов молодых и старых, оленьих шкур в количестве 250 штук, палаток высшего образца 40, 15 штук кухлянок, корякских шапок, большое количество: золотые кольца, часы, костюмы, золотые зубы с убитого полковника и много другого домашнего скарба».

За пять дней до описанного случая Дмитрий Бахирев побывал на реке Ходырке, где согласно документам вместе с японцами на промысле и переработке лосося трудились и русские рыбаки, и встретил там «картину полного разорения и опустошения». Никого из русских рыбаков инспектор не нашел. Японцы решительно отказались отвечать на все вопросы Бахирева. Не постигла ли и здесь русских рабочих та же участь, что и на реке Онухе?

Впрочем, рассказанное Дмитрием Бахиревым меркнет в сравнение с тем, что творили «добрые» островные соседи на материковой части Дальнего Востока. О некоторых эпизодах японской интервенции рассказывается в недавно выпущенной издательством «Питер» книге историка Ильи Ратьковского «Белый террор». В ней автор не останавливается на эпизодах репрессивной практики императорской армии, жертвами которой становились небольшие группы их противников, как, например, большевиков – членов Приморской областной земской управы Сергея Лазо, Алексея Луцкого и Всеволода Симбирцева. Илья Ратьковский адресует к фактам массовых казней.

При подавлении японцами в январе 1919 года Мазановского восстания в Амурской области они полностью разрушили артиллерией село Сохатино, а затем расстреляли около 300 его жителей, не делая исключения для женщин, стариков, старух и детей.

Подобные действия Илья Ратьковский не считает уникальными для репрессивной практики японских оккупантов. Он пишет: «Согласно отчету находившегося здесь [в Благовещенске] с 4 по 31 марта 1919 г. сотрудника военно-статистического отделения штаба Приамурского военного округа капитана Муравьева, взятые в плен отряды красных уничтожались целиком. После захвата в плен 50 мадьяров они были привезены в Благовещенск, где их после пыток расстреляли. Перед казнью им отрезали носы и выкололи глаза... 26 марта 1919 г. в Благовещенске без суда и следствия японцами и белогвардейцами были расстреляны и заколоты 16 советских работников («амурских комиссаров»)».

На станции Бочкарево Амурской области в этот же период интервенты уничтожили латышский отряд численностью в 35 человек, который, кстати, не выступал на стороне красных. Его сформировали по разрешению консулов стран Антанты, поставив во главе русского офицера.

Вновь предоставим слово Илье Ратьковскому: «После вскоре последовавших боев на указанной станции японцами было расстреляно еще более 30 человек, в том числе одна беременная женщина. Только через неделю все 70 трупов убитых (большевики и латыши), предварительно раздев, сложили в одну общую кучу, обложили дровами и сожгли. Затем карательные отряды японцев обыскали все соседние деревни вблизи Бочкарево. В одной из них они наткнулись на группу китайцев-большевиков, человек 20–25, захватили их без сопротивления и расстреляли».

22 марта 1919 года японцы уничтожили и село Ивановка все той же Амурской области. Действовали интервенты по традиционной схеме. Сначала разрушили село артиллерийским огнем, затем согнали на площадь уцелевших жителей Ивановки и расстреляли их из пулеметов, подававших признаки жизни добивали штыками. Так погибли около 250 человек. Еще 36 крестьян заживо сожгли в амбаре.

Упоминает о зверствах японцев в мемуарах и американский генерал Уильям Грейвс, который командовал экспедиционным корпусом США в Сибири в 1918–1920 годах. Всем, кто интересуется историей гражданской войны на востоке страны, настоятельно рекомендую прочесть его книгу, которая в русском переводе вышла под названием «Американская интервенция в Сибири».

Приведу лишь небольшой фрагмент из воспоминаний генерала Грейвса, в котором описываются события 27 июля 1919 года: «Пятеро русских приведены к могилам, вырытым в окрестностях железнодорожной станции [Свиягино]; им были завязаны глаза и приказано встать на колени у края могил со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи, и в то время как каждая из жертв падала в могилу, от трех до пяти японских солдат добивали ее штыками, испуская крики радости. Двое были сразу обезглавлены ударами сабель; остальные были, по-видимому, живы, так как наброшенная на них земля шевелилась».

Думаю, читатели получили достаточное представление о «добrote» наших островных

соседей в годы революционного лихолетья. Мне остается только добавить, что японские оккупационные власти безоговорочно поддерживали действия атаманов Ивана Калмыкова и Григория Семенова, карательная практика которых вызывала неудовольствие даже у колчаковской администрации, при любом ракурсе незамеченной в либерализме и терпимости к инакомыслию.

В первой половине прошлого века отношение официального Токио, его дипломатических, военных и деловых кругов к России, теперь уже называвшейся Советским Союзом, если и поменялось, то уж точно не в сторону симпатий. Череда вооруженных провокаций, часто с человеческими жертвами, устраиваемые японской стороной на дальневосточных рубежах СССР, непрерывным караваном протянулись из двадцатых годов в тридцатые. В конечном итоге они вылились в серьезные боевые столкновения с советскими войсками на озере Хасан и реке Халхин-Гол.

Поражения в них заставили Токио с повысившимся уважением относиться к северному соседу и с большей тщательностью, чем прежде, готовить реваншистские планы. Концепция новой войны увязывалась с готовящейся агрессией Германии против СССР. Не внес корректив в реваншистские планы подписанный 13 апреля 1941 года в Москве Советско-японский пакт о нейтралитете. Симптоматично, что военные круги Токио в связи с его заключением не сделали никаких заявлений. Словно и не существовало никакого пакта.

Многие в Японии, в том числе рядовые граждане, восприняли нападение Германии на СССР как прелюдию к войне самой Страны восходящего солнца против Советского Союза с обязательной победой доблестных сынов великого Ниппона.

С такими настроениями в среде японских рыбаков и переработчиков столкнулся будущий герой Курильской десантной операции капитан-пограничник Николай Лашманов. В июне 1941 года он занимался оформлением японских сезонников, прибывших на концессионный рыбзавод № 813, который располагался севернее мыса Левашова, в районе Усть-Большерецка. О начавшейся войне около полудня 23 июня командиру-пограничнику сообщил переводчик, даже не пытавшийся скрыть злого ехидства. Изменилось и отношение японских рабочих к советским гражданам после того, как новость об агрессии стала общим достоянием. Если раньше рыбаки и переработчики при встрече с командиром-пограничником опускали глаза и кланялись, то теперь смотрели прямо, улыбались, а некоторые позволяли себе красноречивым жестом по горлу обещать Лашманову скорую расправу.

После 23 июня на всех японских лицензионных участках, очевидно по отданному предварительно распоряжению, с рабочими скрытно, ранним утром начали проводить занятия по военной подготовке. Это стало для советской стороны неприятной новостью. Ничего подобного ранее на японских промыслах не фиксировалось.

19 августа 1941 года на имя заместителя наркома внутренних дел Союза ССР – начальника Главного управления государственной безопасности Всеволода Меркулова из Хабаровска ушла телеграмма. В ней сообщалось о регулярном проведении с рабочими японских концессионных промыслов на Камчатке занятий по боевой подготовке. Из докладной записки начальника УНКВД по Камчатской области старшего лейтенанта госбезопасности Ивана Фильченко можно узнать подробности этих занятий:

«Младший инспектор рыбнадзора, обслуживающий 705-ю японскую базу, рассказал начальнику Ичинского погранпоста лейтенанту Марулину, что вся прибрежная полоса была изрыта, но засыпана, и видны следы сырой гальки. 5 августа Марулин и наш оперработник пошли с утра в секрет к базе № 705 и залегли в кустах, в 400 метрах от базы. В 6 часов утра на базе был подъем рабочих. По свисткам рабочие быстро выстраивались в два отделения по 20–30 человек (рабочие были не все), и после объяснения задачи с бамбуковыми палками стали проводить военную игру: короткими перебежками наступать, окапываться и т.д. Игра продолжалась более часу. Затем приступили к работе».

Занятия по боевой подготовке продолжились и в 1942 году. Качественно изменился состав сезонников, прибывших на Камчатку. Если раньше среди них отмечалась значительная прослойка рабочих пожилого возраста, айнов, корейцев, даже маньчжур, то теперь это были этнические японцы. На 70 процентов персонал промыслов состоял из сильных здоровых мужчин призывного возраста, в багаж которых, кроме привычных вещей, входили форма и снаряжение армейского образца, но без знаков различия.

По рассказам переводчика 705-й базы Кацуюки и его коллеги с 12-го завода Аими, перед отправкой на Камчатку вся администрация концессионных промыслов получила от директора-распорядителя фирмы «Ничиро» весьма характерное наставление: «Помните, что вам, возможно, придется выполнить великую миссию, которая возложена на наш великий народ – добиться закрепления своих законных прав на Камчатке. И, если вас призовет великий Ниппон, то вы так же храбро, как наши герои в борьбе с английскими торговцами, должны будете отдать свою кровь во имя установления нового

порядка в Азии».

На некоторых заводах и промыслах четырежды в неделю проводились занятия по боевой подготовке. Японские рабочие тренировались в бросках гранаты на дальность и точность, отрабатывали приемы штыкового боя и тактические действия в составе пехотного отделения, преодолевали полосы препятствий.

Жители Камчатки неоднократно с удивлением наблюдали, как по команде «Смирно!» рабочие быстро выстраиваются в ровные шеренги. Каждый японец, как хороший солдат, четко знал отведенное ему место. На работу сезонники выдвигались стройными колоннами, чеканя армейский шаг. Бригады состояли из 10–15 человек. Возглавляли их, как правило, бывшие унтер-офицеры. В каждом цеху пятьюдесятью рабочими руководил старший. В бараках сезонники располагались в том же порядке, в каком работали. Когда бригадир или старший рабочий разговаривали с подчиненными, те стояли перед ними навтыжку.

Поражала и быстрота, с которой японцы покидали пароходы. Прибыв в конце мая на завод, расположенный возле Усть-Большерецка, около полутысячи рабочих покинули с багажом судно, которое встало к причалу, за какие-то 20–25 минут.

Почти на каждом заводе появились люди с выправкой кадровых военных. Они не принимали участия в промысле и переработке лосося. Их роль в основном ограничивалась организацией военной подготовки. Администрация заводов относилась к персонам с военной выправкой с большим почтением.

В том же году, как никогда ранее, на промыслы завезли много цемента, древесины, стальной арматуры, шанцевого инструмента. Материалы могли использоваться как для промышленного строительства, так и для возведения фортификационных сооружений.

В 1943 году среди рабочих уже почти не было людей призывных возрастов. Вновь значительную часть сезонников составили айны, корейцы и маньчжуры. Но активная разведывательная деятельность продолжалась. О ней и начали рассказывать на допросах Танако Хидео и Иосидо Сэцу.

(Продолжение следует)

Владимир СЛАБУКА